Сов. культура, 1970, 19 мая

РАССВЕТЕТ ЛИ?

Г. УЖОВА,
спец. корр. «Советской культуры»

НЕ ВЕЛИКА радость говорить об этом, но что было, то было: долгие годы Волгоградский театр драмы жил, словно заколдованный злым волшебником. Только-только появлялись какие-то проблески надежды, вливалась новая кровь, только-только все вроде налаживалось и доверчивый зритель покупал билеты, и критика, как заботливая сиделка, подбадривающая больного, который снова учится ходить, приговаривала: «Ну-ну, хорошо, еще шаг, ну, еще один!». И вдруг опять все летело кувырком, начинались репертуарные метания, организационные преобразования. Все соглашались, что положение нетерпимо и недостойно ни такого города, как Волгоград, ни такого имени, как имя М. Горького, стоящее на эмблеме театра.

Все было — интриги, анонимки, инфаркты. Солидные матроны, желающие играть юных героинь, и, наоборот, молодые и напористые театральные деятели, заявляющие, что труппа должна быть как хоккейная команда: всех старше тридцати — за борт! Была чехарда руководителей — директоров и главных режиссеров, сменявшихся стремительно.

Сейчас в Волгограде опять пора надежд. Конечно, вернуть публику, потерявшую веру в театр, очень и очень непросто. Поэтому и не будем говорить, что задача эта решена. Спектакли все еще живут недолго, эксплуатируются методом, заимствованным у кинопроката: новинку — до износа, а потом — следующую новинку. Но перемены разительные! Не пустует больше зрительный зал, не зияют провалами темные ложи и балконы. У актеров много работы, задан напряженный ритм.

У театра незаурядные творческие возможности. Впрочем, это было известно всегда. Когда я была там, то одновременно, нигде «не пересекаясь» (существует, как известно, термин «чистая параллель»), репетировали два таких спектакля, как «Дело, которому ты служишь» по Ю. Герману и горьковских «Мещан». И ни один из постановщиков — ни И. Петров, ни А. Михайлов — не жаловался, что пришлось в чем-то идти на компромиссы ввиду нехватки «мощностей».

Афиша выглядит так: «Бруски» (инсценировку романа Ф. Панферова сделал драматург А. Шейнин), «Между ливнями» А. Штейна — спектакль, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, «В ночь лунного затмения» М. Карима; «Дело, которому ты служишь», «Мещане». Это серьезная афиша серьезного театра.

И в театр пришли люди! Студенческая, рабочая аудитория, внимательная, чутко реагирующая, — я сама свидетель. Да, нечего скрывать: это так называемый «организованный зритель», его агитировали культорги и профорги, его везли в театр и из театра на автобусе. Но стесняться этого не стоит. Во-первых, надо учесть специфику Волгограда, растянутого на 80 километров, театрал-одиночка крепко подумает, прежде чем выйдет из дому. Во-вторых, были времена, когда и коллективные походы срывались. В-третьих, не сразу Москва строилась. Две женщины, сидевшие позади меня на спектакле «Между ливнями», обменялись после прощальных аплодисментов такими репликами:

— Ну что ж, спасибо тебе от души!

— Вот! Всегда слушайся умных советов.

Это был культпоход медицинского института, славящегося в городе чрезвычайно высокими запросами. Им угодить! Их удивить! Хлопали же, как благодарные школьники.

Наверное, настало время сказать, что два сезона назад в театр пришел новый главный режиссер — заслуженный деятель искусств КАССР И. П. Петров. У скольких жителей Петрозаводска возникают в связи с его именем воспоминания о работах ярких, незаурядных, смелых. Человек, получивший два высших образования, актерское и режиссерское, прекрасно знающий секреты ремесла, служивший до сих пор только в двух театрах и подолгу, трудолюбивый и добросовестный, — такова краткая характеристика нового главного. Ему всего сорок лет, и Министерство культуры РСФСР, рекомендуя его в этот город, возлагало на него большие надежды.

Я считаю: если бы он поставил только «Между ливнями», он и то уже целиком оправдал бы эти надежды. Спектакль производит огромное впечатление. Форма неотделима от содержания, но с чего-то надо же начинать рассказ. Я начну с того, какой Петров постановщик, разумеется, не забывая при этом, что его союзником, единомышленником выступал художник М. Мурзин.

Обитый стальными листами, наглухо задраивающий сцену противопожарный занавес они заставили играть, создавать настроение суровости и тревоги, переносить зрителя в затаившийся, враждебно настороженный Кронштадт двадцать первого года. Они придумали также темно-красные, с еле заметными черными тенями, а оттого словно опаленные, но в основном — красные (непобедимо красные!) полотна, высокие, узкие, напоминающие при движении то столбы северного сияния, то уходящие в небо беспощадно-зоркие снопы прожекторов, поймавших и не выпускающих вражеский самолет. Эти же ширмы служат и вполне «утилитарным» целям — как стенки в сценах кабинетных и комнатных; при этом многосложная, использующая всю глубину сцены, «кронштадтская» декорация остается нетронутой.

Но, конечно, масштабность работы Петрова вовсе не исчерпывается размахом его постановочной фантазии. Она и в точной, углубленной его работе с актерами. Удач можно назвать много. Анархист Гуща, буйный, неистовый, в исполнении А. Хрякова, бывший генерал Козловский — его сильно и вместе расчетливо, скупо играет народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии К. Синицин, матрос Иван, фигура трагическая, нерв пьесы — с трудной ролью уверенно справляется молодой О. Белонучкин. Но главная высота, взятая режиссером, — ленинские сцены спектакля. (В образе Владимира Ильича волгоградцы увидели нового для себя актера, заслуженного артиста БССР Г. Глиносенко.)

И в монологах, и в диалоге с Позднышевым раскрывается главная, по мысли постановщика, особенность могучего ленинского интеллекта — его бесстрашие. Ему нужна истина, какой бы неожиданной, горькой она ни оказалась. Комиссар, чья опытность, преданность, мужество несомненны, проверены боями, тюрьмами, кровью, ошеломлен страшным, темным, необъяснимым противоречием: Кронштадт, оплот революции, — против революции?! Родной Иван, сын, стал врагом... Те же люди, что шли за большевиками, умирали за Советскую власть, родную себе, а теперь требуют «Советской власти без большевиков», хотят казнить комиссаров, клевещут на партию. Позднышев теряется лишь мысленно, внешне-то он держится молодцом и на лед под пушки ступит первым, но это вот «не могу понять!», «отказываюсь понимать!» и захлестывающее возмущение — как посмели? — это его ограниченность. Ленину важно не «как они смели?», а почему посмели? Откуда родились недовольство, разброд, подготовившие почву для эсеров? И вот именно потому, что Ленин бесстрашно докапывается до причин, до корней настроения масс, именно потому, что он считает главнейшим для коммуниста знать все о настроении масс, — он, а не очевидец Позднышев словно слышал разговоры матросов, словно видел сбитого с толку, буквально испепеленного сомнениями, сгоревшего в их мучительном огне Ивана... Мы делаемся свидетелями рождения глубинных ленинских выводов о необходимости изменения хозяйственной политики Советской власти, политики по отношению к крестьянству, присутствуем при разработке плана военной операции подавления мятежной крепости.

Спектакль этот для всего театра был этапным. В дни его подготовки коллектив встал на ленинскую вахту. Все причастные к созданию его, все до одного, работали самоотверженно. Думается, что это не пройдет бесследно, уроки ответственности запоминаются надолго.

Я не дождалась премьеры по Ю. Герману — это новая работа Петрова, но была на репетициях. Спектакль, на мой взгляд, получался интересный. Он задуман как гимн воинам, защитившим страну, строящим мирную жизнь, борющимся с дрянью, умирающим от старых ран и побеждающим новых врагов — бюрократизм, трусость, бездушие. Владимир Седов в главной роли показал характер значительный, цельный. Елена Быкова, игравшая Варю, поразила меня силой и открытостью чувства. Воспитанные на пресловутой «современной» манере, требующей прежде всего сдержанности, редкие уже из молодых актрис могут произнести, например, такие рискованно несовременные слова: «Я люблю тебя. Ты — мое сердце. Моя жизнь». А Быкова, вернее, ее Варя, сказала это. Просто села на стул, посмотрела на человека, которого ждала всю жизнь, — он засыпал, измученный своей болезнью, — потом повернулась к зрительному залу и сказала. Сообщила. Довела до сведения. Сердце у меня от этого простого сообщения дрогнуло. «Я люблю тебя, Устименко»...

Можно бы, кстати, весь спектакль так назвать: настолько он проникнут горячим сочувствием, привязанностью его авторов к людям типа Устименко.

Пожелаем же успеха Ивану Петровичу Петрову. Тут нет заранее сложившегося мнения, потому что никогда до Волгограда я не видала ни его самого, ни его работ. Просто, когда человек хочет построить театр, который бы говорил с людьми о насущном в их жизни, в жизни общества, и когда у человека есть для этого ум, талант, профессиональное мастерство и силы, его намерения не могут не заслуживать уважения. Но театр такого рода враз не создается. И в Волгограде еще трудностей предостаточно. И творческих, и организационных.

Я бы сформулировала основную задачу так: надо изживать провинцию, ту, что встречается и в столице. Знаете, как бывает: в огромном «модерновом» магазине вдруг увидишь подарочные наборы, а в каждом — искусственная роза. Сразу ясно, где находишься. Так и в театре — затхлый дух провинции может повеять откуда угодно и все отравить. Примеры? В напряженнейший момент спектакля «Между ливнями», когда зал, казалось, перестал дышать, чтобы не проронить ни слова, в фойе загрохотали ножи и тарелки, заорали официантки — в буфете накрывали столы к завтрашнему большому совещанию. Длилось это минут пять, сцена была скомкана...

Была я также свидетелем «порядков», царящих перед выездом на спектакль. Выезды для Волгоградского театра — это совсем не то, что выезды для театров других городов. (Я уже говорила о специфической планировке): Для тех они — добавка, для волгоградцев — хлеб. Выездов поэтому очень много. И редкие проходят организованно! Вечно не хватает мест, кто-то не уехал с предыдущим автобусом, кто-то вообще опаздывает, администраторы знают один способ наведения порядка — крик. На спектакль приезжают издерганные, усталые. Это тоже «провинция».

Директору театра заслуженному артисту ТАССР Геннадию Александровичу Жаркову наследство досталось, пожалуй, не менее тяжелое, чем главному режиссеру. И каждый в своей сфере делает очень много, чтобы поднять театр. Тем горше видеть иногда тайные, иногда явные их разногласия. Управление культуры (в частности, начальник его Н. Д. Певичкин) заняло позицию формально вполне правомерную, но на деле ведущую к обострению противоречий. Недавним приказом управления, например, Петров смещен с поста председателя художественного совета и вместо него назначен Жарков. Формально не придерешься — во всех остальных театрах Волгограда именно директора, а не главрежи возглавляют художественные советы. Но, по существу, это выражение недоверия Петрову, который, думается, заслуживает диаметрально противоположного отношения.

Кстати, вопрос этот вообще очень больной и сложный. В РСФСР, где права директоров расширены, только 17 процентов их имеют специальное высшее образование, тогда как режиссеры, наоборот, почти все люди с дипломами. Это не вина, а беда директоров — их у нас нигде не учат, но факт остается фактом: люди, не слишком сведущие в творческой сфере деятельности театра, возглавляют художественные советы, обладают очень большими полномочиями в чисто творческих вопросах. Отсюда — конфликты. Главный режиссер ставит свое имя на афише и знает, что именно он головой ответит за художественное направление театра в целом, а на деле он лишь режиссер собственных спектаклей, да и то выдержавший предварительное давление по поводу назначения того или иного исполнителя. Экономику и творчество противопоставлять не стоит, а все же, как казалось бы, — богу богово, кесарю кесарево.

Но это особый разговор, а что касается конкретно волгоградских дел, то, право же, главный режиссер показал себя человеком в своей области сведущим, ответственным, трудный экзамен выдержал и от переэкзаменовок мог бы быть избавлен.

Таково мое мнение, продиктованное, во-первых, желанием дальнейшего подъема театра славного города. И во-вторых, не удивляйтесь, нежеланием попадать в смешное положение. Ведь сколько моих коллег уже писали о том, что вот-вот произойдет перелом. Или даже, что уже произошел. Хотите цитаты?

«Советская культура» в 1963 году: «Сейчас в положении театра наметились добрые перемены. Недавно в коллектив пришел новый художественный руководитель, опытный режиссер Н. Бондарев. В труппу влилась интересная молодежь, которую полюбили в городе». Справка: Н. Бондарев смог проработать всего два сезона.

Журнал «Театральная жизнь» в 1967 году: «...Но несомненно и то, что Волгоградский театр уже не вызывает прежних тревог, связанных с ощущением острого неблагополучия в его деятельности, что полоса его затяжного кризиса осталась позади. Сегодня это коллектив, находящийся в состоянии преодоления своих недостатков»... И так далее.

Журнал «Театр» в 1968 году: «А вообще радостно — не часто это бывает — когда, не кривя душой, можно сказать: в театре три (три!!) способных молодых режиссера: Ю. Бурс, Р. Рахлин, В. Соловьев. И целая группа талантливой молодежи». Следует целый список, восемь фамилий. Из них сейчас в театре остался один — Владимир Седов. Упомянутые «способные и молодые» ушли все трое. Кому же из журналистов хочется быть, простите, петухом, который прокукарекал, возвестил рассвет, а рассвета все нет?

Что же получается? Конечно, и критики могут ошибаться в оценках, но неужели из всех, кто вставал у кормила театра, не было никого, кого стоило удержать? Ведь многие начинали интересно, серьезно. Как-то поневоле рождается мысль, что в этом театре не очень-то умеют беречь кадры.

Неужели так и не рассветет?

ВОЛГОГРАД.